

Северный Нефрит, новый календарь, семьсот двадцать первый год, месяц май, Густой лес Андоха.

Стояла последняя ночь весны. Только что закончился самый долгий в восточной части материка сезон ядовитых туманов, и мало кому из живых тварей хотелось высовывать нос из укрытия. Оттого в глубокой чаще леса любой шорох казался особенно громким.

Там копался в грязи лев.

На вид он был мельче обычных сородичей, ещё, видно, не достиг зрелости. Сгорбив плечи и задрав хвост, он рыл землю, а всё тело его было исцарапано — некоторые раны уже загноились, и от них тянуло смесью гнилого мяса и сукровицы. Однако зверя это не заботило; время от времени он лишь отирал бока хвостом, вывалянным в грязи, чтобы отогнать назойливых мошек. Передние лапы, не слишком крепкие, так и мелькали в воздухе, и вскоре в сырой земле образовалась изрядная яма.

Из глубины горла вырвалось урчание — лев предвкушал добычу, что таилась под слоем грязи. Он был голоден уже слишком долго...

И тут, когда от нетерпения хвост сам собой взметнулся к небу, лапа, погружившись в жижу, наткнулась на что-то твёрдое.

Раздался звонкий металлический удар — «динь!» — и когти, вздрогнув от вибрации, отдёргнулись.

Лев застыл.

Это точно был не звук мяса!

Он тупо уставился на яму, а хвост, взлетевший было вверх, бессильно шлёпнулся наземь. Долго колебался, но голод в конце концов взял верх, и, собравшись с духом, он продолжил копать.

Вскоре в яме показалось нечто — человекоподобное чудовище.

Чудовищем это существо назвать можно было хотя бы потому, что оно было вдвое крупнее обычного человека, а голову его и вовсе нельзя было отличить от зада — сплошной тяжёлый, круглый, как тыква, шар. Всё тело от макушки до пят было затянато в многолетний слой грязи... кроме рук, скрещённых на груди.

На них всё ещё держались обломки металлических латных перчаток — от запястья и до самых пальцев. Ржавчина, грязь, иней чёрного налёта — разобрать истинный цвет было невозможно. Лишь кончики пальцев, что торчали наружу, не носили на себе ни пятнышка, ни признака плоти — бледные, чистые до жути.

Хворь это или нет, да хоть свежая плоть или гнилая — льву было уже всё равно. Лишь бы съесть!

Он прыгнул прямо на грудь чудовища и вонзил зубы!

Но тут же в воздухе пронеслось едва слышное трение металла — тонкие болезненные руки дёрнулись, и одна ладонь упёрлась в его клыки, а вторая мгновенно скользнула за спину и со всего размаха хлопнула его по заднице.

Лев взвыл — «Ау!» — и замер, оскорблённый до глубины души.

Не успел он и огрызнуться, как чудовище схватило его за хвост и с силой отшвырнуло в сторону.

Зверь распластал когти, вмиг вскочил, готовясь к прыжку, но монстр уже сжал его горло и припечатал к земле.

Тяжело дыша, существо свободной рукой провело по своей шее, ощупывая край, — и с хриплым скрежетом металла шаткий «шлем» небрежно сорвало с головы и швырнуло наземь. Это оказался старый боевой каскет, весь в грязи.

Вместе с каскетом из-за ворота выскользнула тонкая верёвка, на которой висела тёмно-серая металлическая пластинка. На ней было выгравировано полное имя — Кевин Фассбиндер.

Кожаные шнуры, соединявшие латные пластины, истлели почти целиком, и Кевин без труда стряхнул с себя весь этот груз, оставив лишь тонкую одежду, что уже не поддавалась опознанию, короткий нож на поясе и упавший наземь кожаный мешок.

Тем временем лев, зажатый под левой рукой Кевина, окончательно пришёл в себя и принялся отчаянно вырываться. Пусть он был не взрослым, но силы в нём было немало. Когти, острые, как клинки, рассекли руку Кевина в нескольких местах, и хлынула кровь.

Кевин шипя задохнулся от боли, нахмурился, цокнул языком и, отстегнув нож, замахнулся, чтобы полоснуть по горлу зверя.

Но лев, обезумев от страха, вдруг выложился в рывке с невероятной силой — рука Кевина дрогнула, и жертва выскользнула.

Видимо, сообразив, что перед ним тоже опасный хищник, лев не стал продолжать битву, юркнул в сторону — и дал дёру, да только мелкий паршивец, улепётывая, ещё и прихватил с собой кожаную сумку Кевина.

Кевин застыл.

Он только что выбрался из-под земли, и вся схватка держалась на одном инстинкте выживания — конечности слушались, а голова ещё отставала. Он простоял так пару секунд, прежде чем вспомнил, что лежит в том мешке, закатил глаза, провёл большим пальцем по обуху ножа и рванул за львом.

Лев взвыл и понёсся вперёд, мелькая всеми четырьмя лапами, будто мечтая взлететь.

Но это было бесполезно... голод мучил его слишком долго, да и ядовитые раны на теле давали о себе знать.

Через некоторое время Кевин, засунув нож обратно за пояс, одной рукой тащил за спиной льва, крепко спелёнатого лианами. Он устроился на берегу речушки, сочтя это место безопасным, по пути собирал кислых плодов и сухих веток, явно собираясь развести огонь и зажарить добычу.

— Ещё побежишь? А? — спросил Кевин, похлопывая льва по голове.

Он, видимо, давно не разговаривал — голос был низкий и хриплый. Говорить ему было лень, и

слова выходили почти неслышные, отчего они звучали почему-то ещё более угрожающе.

Лев молчал.

Кевин перебирал его шерсть, осматривая, и бормотал:

— Нет на тебе меток? Тогда уж извини... я тоже проголодался не на шутку.

Зверей на этом континенте делили на два вида. Одни — без особых знаков — были просто зверями, и их можно было есть: ты их добыча, но, если ты достаточно свиреп, они становятся твоей добычей.

А другие, с родовыми тавро́, — это зверолюди, племенные. Если копнуть историю, то примерно миллион лет назад они были с Кевином одним родом, так что считай, дальняя родня, да к тому же — один из самых опасных видов на всём континенте, и лакомиться ими как-то несподручно.

— Меток нет, так что пеняй на себя, — прохрипел Кевин, стараясь звучать зловеще-утешительно.

Лев выпучил глаза в ужасе.

Кевин сложил сухие ветки и листья, достал из отбитого мешка огниво, потом снова тревожно заглянул внутрь — проверить, всё ли на месте. Убедившись, что содержимое цело, он облегчённо выдохнул.

— Хорошо, не разбилось... — пробормотал он, отложил мешок в сторонку, подальше, чтобы случайно не придавить, и наклонился, высекая искру над хворостом.

В этот миг лев, который уже было смирился с судьбой, вдруг снова ожил, дёрнулся раз, другой — и заметался по земле, пытаясь перегрызть лианы и сбежать.

Будто у него выйдет...

Кевин, опасаясь, что зверь своим катанием придавит мешок, поднял голову, чтобы припугнуть его, — и замер.

На месте льва, крепко спелёнатого лианами, в мгновение ока оказался мальчишка лет семи-восьми с каштановыми волосами. Он как раз выбирался из ослабевших пут, свирепо нахмурившись, и смотрел на Кевина с нескрываемой враждебностью.

Кевин онемел. Где, скажите, обычный зверь? С чего вдруг превращаться в человека?

У него заныло под ложечкой.

Но не успел он оправиться от удивления и рези в желудке, как мальчишка первым нашёл его ахиллесову пята: метнулся к мешку на земле и вцепился в него!

— Не трогай! — рывкнул Кевин.

Но было уже поздно...

У парня был свирепый вид и грандиозные планы — припугнуть противника, — но ручки оказались коротковаты.

Вместо того чтобы схватить мешок, он лишь хлопнул по нему ладонью — «бах!».

Кевин застыл.

Он рывком отбросил руку мальчишки, дёрнул петлю лиан, туго стянув маленького негодяя, другой рукой схватил мешок, лихорадочно раскрыл его, порылся внутри и извлёк чёрную круглую крупинку.

Величиной она была с фасолину и на первый взгляд походила на жука, только её случайно расплющили, и сбоку остался бледный, дымчато-золотистый след, словно она погибла незаслуженно и обиженно.

Кевин стоял, недвижим, с совершенно бесстрастным лицом, лишь висок дёргался от натуги.

<http://bllate.org/book/18285/1753173>